

**Рецензия на реферат работу К. Р. Халиуллина
«Комплекс мотивов гусарской лирики
и его трансформация в русской литературе первой половины XIX века»**

Работа К. Р. Халиуллина посвящена теме, которая до сих пор, насколько мне известно, не становилась предметом специального рассмотрения, и это, безусловно определяет и актуальность исследования, и его новаторский характер, и его практическую значимость.

Разработка избранной темы сопряжена с одной серьезной трудностью, которую К. Р. Халиуллин сумел не совсем удачно, но все-таки более или менее благополучно обойти. Дело в том, что выдвинутое в заглавие работы и действительно центральное для нее понятие мотива является одним из наименее определенных понятий литературоведения и вместе с тем – одним из наиболее употребляемых, как в теоретических трудах, так и в анализах отдельных произведений или их комплексов. Разброс трактовок этого понятия колеблется от возможности считать мотивом единичное слово до представления о мотиве как о микросюжете. Тема, избранная К. Р. Халиуллиным ни в коем случае не предполагала углубления в теорию мотива, но все-таки очерк посвященных ей исследовательских точек зрения, данный во Введении, оказался уж слишком кратким. Непосредственно за Веселовским здесь следуют Шкловский и Томашевский, за ними – Б. М. Гаспаров и И. Паперно и резко выбивающееся из этого ряда определение мотива в Лермонтовской энциклопедии. Прикосновение к этой проблеме без хотя бы самого беглого упоминания имен А. Л. Бема, О. М. Фрейденберг, В. Я. Проппа, Б. Я. Ярхо, А. И. Белецкого, Л. Парпуловой, Б. Н. Путилова, Н. Тамарченко, Ю. К. Щеглова, И. Силантьева и многих других оказывается чересчур облегченным. Правда, сам мотивный анализ, предпринятый во второй главе, позволяет убедиться в том, что природа мотива была автором работы весьма основательно продумана. Он выделяет здесь не только такое несомненное качество мотива как повторяемость, но также его вариативность и, что особенно важно, – открытую сочетаемость.

Тем не менее – подчеркну – этот минус не имеет особого значения для общей оценки работы, поскольку центральными в ней являются совсем другие проблемы. Одна из задач, решенных К. Р. Халиуллиным успешно и аргументировано, заключалась в том, чтобы развести смешавшиеся в нашем сознании литературный образ гусара в лирике Д. Давыдова и культурно-историческую репутацию гусара и гусарства, предполагающую особый тип поведения (прежде всего – бретерство в самых разных его проявлениях). Могу

подтвердить, что и для меня эти две модели до знакомства с рецензируемой работой не различались. К. Р. Халиуллин обращается к подробностям биографий Толстого-Американца, М. С. Лунина, И. П. Липранди, А. И. Якубовича, анализирует их способ поведения и поступки, рассчитанные на аудиторию, которая станет распространять легенду, выделяет целый комплекс качеств бретера первой половины XIX в.: он дуэлянт, картежник, пьяница, волокита, буян, способный на самые дерзкие, нарушающие общее спокойствие выходки. К. Р. Халиуллин показывает, что этот поведенческий комплекс не соответствует ни биографическим чертам самого Давыдова, ни тому гусару, который обрисован в его стихах.

Вторая глава работы обращена непосредственно к творчеству Дениса Давыдова. В первой ее части продемонстрировано, что предисловие, написанное им для сборника стихов, озаглавленное «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова» и иногда принимаемое исследователями за автобиографию, носит стилизованный характер и далеко не во всем соответствует реалиям жизни автора. Переходя к анализу мотивов, К. Р. Халиуллин подчеркивает, что единый для гусарской лирики Давыдова герой, «через призму фикциональной индивидуальности которого» мы воспринимаем его стихи (с. 23), прочно вписан в стилизованный гусарский быт, причем сражение также включено в этот быт, «а не противопоставляется ему как высокое низкому» (с. 24).

Далее во второй главе выделены те черты ранних давыдовских посланий, которые подготавливают канонизированные «Моими пенатами» Батюшкова особенности жанра дружеского послания, и описана система мотивов гусарской песни. Здесь-то и выясняется, что давыдовский гусар совершенно не соответствует типу бретера, он, например, никогда не выступает ни в роли дуэлянта, ни в роли картежника. В этом разделе имеется, однако, тезис, который я никак не могу принять. Обращаясь к мотиву пира, К. Р. Халиуллин справедливо пишет о том, что у Давыдова он фигурирует и как битва-пир, и как пир-симпосий. Использование этого мотива служит формированию малого гусарского мира-утопии, противопоставляемого, как это вообще характерно для дружеского послания, большому миру. Но описывая созданную Давыдовым гусарскую утопию, К. Р. Халиуллин заявляет, что в ней, как и в дружеском послании, пир «побеждает смерть, позволяет времени прекратить свой бег и пойти по кругу» (с. 26), а герой-гусар неподвластен смерти (в следующей главе бессмертие вообще оказывается дифференцирующим признаком давыдовского гусара). Я не согласна с тем, что для малого мира дружеского послания характерно круговое, цикличное время. Будь так, все напряжение батюшковской лирики, направленное на преодоление смерти и смертности, было бы совершенно не нужным, а гусарское бесстрашие обесцененным, поскольку хронотоп, в рамках которого течет

циклическое время, снимает всю остроту, с какой стоит в посланиях этого типа проблема смерти. Впрочем, и сам автор работы пишет о том, что герой Давыдова находится «в ситуации постоянного противостояния смерти» (с. 43).

Не буду воспроизводить подробности мотивного анализа, предпринятого К. Р. Халиуллиным, отмечу лишь несколько особенно интересных наблюдений. В результате его исследования выясняется, например, что давыдовский лирический герой не характеризуется как поэт – закрепившееся за Давыдовым определение «поэт-гусар» возникло в стихах, обращенных к нему, и для самого поэта-гусара становится актуальным лишь после этого. Оказывается, что мотивы любви и творчества вообще являются наименее частотными для гусарской лирики – они появляются у Давыдова за ее пределами.

В третьей главе речь идет о трансформации комплекса мотивов гусарской лирики в литературе первой половины XIX в., представленной поэзией Жуковского, Батюшкова, Языкова, Пушкина и Лермонтова и прозой Бестужева-Марлинского, Карлгофа, Пушкина и Бегичева. Выясняется, что именно здесь черты лирического героя давыдовской гусарской лирики дополняются характерными чертами бретеров первой половины столетия и постепенно формируется тот образ гусара – смельчака, дуэлянта, картежника, выпивохи, нарушителя спокойствия, который и закрепляется в позднейшем культурном сознании. Материал представлен в главе вполне убедительно, соотнесение того или иного произведения с гусарской лирикой подкрепляется указаниями на сознательно введенные в него цитаты или реминисценции из стихов Давыдова. Правда, иногда К. Р. Халиуллину кажется, что появление в текстах слов, входящих в поэтический словарь Давыдова (сабля, ментик, ташка и т. п.) уже является признаком связи с гусарской лирикой. Между тем зачастую денотаты этих слов имеют совсем иную природу: они просто относятся к бытовому ряду, не опосредованному поэзией. Встречаются и другие случаи: когда, например, появление топоса пира, характерного для дружеского послания как такового и вообще нередкого в поэзии пушкинской поры, трактуется как черта, отсылающая именно к Давыдову. Однако необходимо признать, что примеры такого рода являются всего лишь избыточными, потому что практически каждый раз они сопровождаются гораздо более вескими доказательствами связи произведений с творчеством поэта-гусара.

Возможно, замечания заняли в моем отзыве слишком много места. Мне бы не хотелось, чтобы в результате создалось впечатление, будто спорные моменты работы хоть сколько-нибудь ставят под сомнение ее достоинство. К. Р. Халиуллин проявил основательное знакомство с литературой и культурным бытом эпохи, он сумел взглянуть на предмет исследования под несомненно новым углом зрения, его работа интересна и

содержательна, я прочла ее с благодарностью автору за полученные от него сведения и абсолютно убеждена в том, что выпускное квалификационное сочинение К. Р. Халиуллина не только вполне соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода работам, но и заслуживает самой высокой оценки.

Доктор филологических наук, профессор,
зав. отделом пушкиноведения
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

М. Н. Виролайнен